

Лирика

✍ Галина Лещинская

Письма приходят всегда неожиданно,
Письма читаются, как стихи.
В письмах твоих берегут содержимое
Буквы, корявые, как жуки.

Я их люблю, хоть порой и невесело,
Даже тревожно читать мне порой
Письма, написанные депрессией,
Письма, приправленные хандрой.

Редко приходят. Реже, чем снятся.
Что натворить, чтоб ты чаще писал?
Жаль, что на письма нельзя подписаться,
Как на газету или журнал.

Нерегулярно, негарантийно,
Если не завтра, то через год.
Не обязать, не заставить насильно,
Хоть разорвись, а письмо не придёт.

Надписи нет: «Продолжение следует...»
Но, несмотря на разлуки печаль,
Письма-журналы и письма-газеты
Я не хотела бы получать.

Г. Газизулину

Задуйте эту свечку до зари.
Задуйте эту свечку, ради Бога.
А ты не говори про Бовари
И Анну – под колёсами – не трагой.

Беда и бездна. Золото и зло.
И одиночество, как наваждение.
И можно умереть от звука слов,
Не вдумываясь даже в их значенье.

В том долгом, мокром сентябре,
Казалось, мёрзло всё вокруг.
Дрожащий кот в сыром дворе
Устал пугаться тёплых рук.

Проснёшься утром – сквозь окно:
Опять лило, и не шутя.
Асфальта чёрное пятно –
Ночным автографом дождя.

Но вдруг – какой-то чёткий миг
И голоса родного звук,
Как будто Пастернака стих
Природа прочитала вслух.

Справка «ММ»

Галина Иосифовна Лещинская (родилась в Магнитогорске 19 декабря 1946 года) – поэт, прозаик, эссеист. Член Союза российских писателей с 2002 года. Автор книги стихов «Поворот пейзажа» (2004, 12+) и книги воспоминаний, рассказов и очерков «Тени в окне» (2008, 12+), вышедшей в серии «Литература Магнитки. Избранное». Работала инженером-программистом. С 2004 года живёт в Москве.

Стихи пишет с детства. В 1965–1969 годах училась на физико-математическом факультете МГПИ, второкурсницей пришла в литературное объединение «Красное солнышко», которым руководили Нэмир Голланд и Юрий Костарев.

В 1975 году у Галины Лещинской родилась дочь Мария, ныне – альтистка камерного оркестра «Времена года», лауреат международных конкурсов, преподаватель по классу скрипки.

В 1992 году Галина Лещинская вышла замуж за поэта Игоря Варламова, который познакомил её с друзьями, входившими в неформальную литературную группу «Дыхание». Вместе с ними участвовала в выступлениях Литературного театра, формировании журнала «Берег А», проведении Всемирного форума поэзии в Магнитогорске (2002). В 2001–2003 годах была членом жюри литературного конкурса имени К. М. Нефедьева.

В 2004 году вместе с мужем переехала в Москву, но сохранила творческие связи с родным городом. В середине 2000-х была членом редакционного совета книжных серий «Литература Магнитки. Избранное» и «Литература Магнитки. Контекст» под патронажем «Магнитогорского металла».

Они стекаются внизу
К спирали – символу сомнения:

Не вечна жизнь, не вечна боль,
Не вечно мы переживаем,
Не вечно первая любовь,
Как, впрочем, всякая другая.

А камень всё ещё скорбит
О том, кто сам уже не страждет,
О том, кто только раз любил,
И значит, плакал лишь однажды.

Бессонница

В. Довгоша

Хрустальный мальчик мой, порвалась нить.
Твоя тоска с моею так несхожа.
Как мне тебя, любимый, сохранить,
Чтоб на куски не раскололась кожа

Твоя, светящаяся светлячком,
Нагим зрачком подставленная свету?
О нежный мой, родной, лесной, ночной,
Я даже защищать тебя не смею.

И снег тебе царапает лицо,
И мир тебя клеймит прикосновеньем.
О, как мне страшно быть твоим отцом,
Хрустальный, хрупкий мой, благословенный.

Вы просите, чтоб я писала.
И верно, столько раз уже
Любовь поэтов вдохновляла –
От Байрона до Беранже!

Я изучила их трофеи.
Любой, любой ласкал певец
Забывшую перчатку, веер
Или надежду, наконец.

А мне слезами что обрызгать?
Что к сердцу мне прижать нежней?
Есть ваша старая записка,
И та написана не мне.

Оставьте что-нибудь на память!
Вдали от любопытных глаз
Подарка я коснусь губами,
Как будто поцелую вас.

В этот час, уже не слишком ранний,
Города неммыслимо коснуться,
Он на камне, на холсте, на блюде,
В сером перламутровом тумане.

Он не город – акварель под тучей,
Он – искусство, а не жизнь людская.
Не разбужен или не озвучен,
Наш язык пока не понимает.

Автограф дождя

Димке

Конечно, маленький, конечно,
С тобой уедем мы в деревню.
Там будет сказочно и снежно,
И в белой нежности деревьев.

Всё будет, как я обещала, –
Ручной олень и слон весёлый,
Шалаш, и закопченный чайник,
И настоящие коровы.

Все будут жить у нас в избушке –
И обезьяна, и верблюды.
Ты понимаешь, очень скудно,
Когда вокруг сплошные люди.

**Несобственная прямая – это прямая,
которая лежит в бесконечности.
В нашем пространстве её нет.**

Люди ходят, спешат,
целуются и ревнуют,
Куда-то мчатся асфальтом,
взбираются по тропе,

А я хочу воспевать
несобственную прямую,
Несобственную прямую –
дорогу мою к тебе.

Простите меня, Евклид,
но ваше пространство пресно.
Прямые и точки в нём –
обыденны и просты.
А где-то там, где сошлись
и «минус» и «плюс» бесконечность –
Несобственные прямые –
несбывшиеся мечты.

Бахчисарайский фонтан слёз

Не так, как плачет человек, –
Так может плакать только камень –
Раз в жизни, на виду у всех,
Не вытирая слёз руками.

Зачем-то лепят женский стан,
Тех плакальщиц со скорбью чёрной,
А камень может плакать сам,
Не принимая чьей-то формы.

Слезу, потом ещё слезу
Роняет долгое мгновенье.

Поэзия

Справка «ММ»

Елена Андреевна Холодова (настоящая фамилия Севостьянова, родилась 14 декабря 1989 года) – поэт, прозаик, журналист. Живёт в Магнитогорске. Автор шести книг стихов и прозы: «Возвращение» (2006, 12+), «Воспоминание о маленьком городе» (2006, 12+), «Волчица» (2007, 12+), «Лебеди прилетели» (2009, 12+), «Игры с небом» (2009, 12+), «Там, где тебя понимают» (2010, 12+).

В 2005 году стала лауреатом конкурса «Дебют» детско-юношеского центра «Эго», Магнитогорск. В 2006–2011 годах училась на отделении журналистики филологического факультета МаГУ. В 2008-м вступила в Союз российских писателей.

Лауреат конкурса «Проба пера» газеты «Магнитогорский металл» (2008), именной Солженицынской стипендии (2010) и I городской литературной премии имени Б. Ручьева в номинации «Поэзия» (2012). Дипломант II премии имени Б. Ручьева в номинации «Проза» (2015).

В 2012–2017 годах Елена Холодова – руководитель городского литературного объединения при библиотеке имени М. Логарина; редактор книжной серии «Это наш Неверленд» (6+) под патронажем детской библиотеки имени С. Михалкова, в которой вела литобъединение «Мечта», и центра «Эго».

Стихи и рассказы Елены Холодовой печатались в журнале «Нева» (Санкт-Петербург), магнитогорских газетах и коллективных сборниках.

✍ Елена Холодова

Берёзовый Иван

Рубили берёзу кормить по морозам печи. Везли да кололи, упарившись под конец. А ночью, когда за ухой коротали вечер, в поленище вдруг заплакал во тьме малец. Откуда он взялся? Манефа взяла три шали. И правда, дитёнок, замёрзший до хрипоты! Качал головою Фёдор: «К добру едва ли! Ведь явно нечисть, неужто не видишь ты?»

Весь в крапину, как берёзовый ствол, гляди-ка! Манефа не слышит, мало-го приносит в дом. И смотрит на мужа враждебно, смурно и дико: «Дал сына мне бог. И кончим теперь на том». Растёт пацанёнок, как чёсаный лен, белёсым. Сосёт из рожка молоко с двух удойных коз. Привыкли к нему, ни сомнений и ни вопросов. Он даже отметинки чёрные перерос. Носили к знахарке. Крутила его, вертела. Пожала плечами: дитё как дитё во всём. Таких, голопузых, орущих, голодных вечно как брызнуто в нашем Полесье на сорок сёл.

Назвали Ивашкой. Малец лопотал потешно. К весне уж пошёл, ну а к лету сложил слова. Одна лишь Манефа и знала – пока расчешешь, в белёсых кудряшках берёзовая листва. Но что за беда от листиков в шевелюре? Вреда никакого. Надёргал – да спрячь в золе. Зато как в душе у людей суетно да хмуро, Иван улыбнётся. И словно бы посветлей.

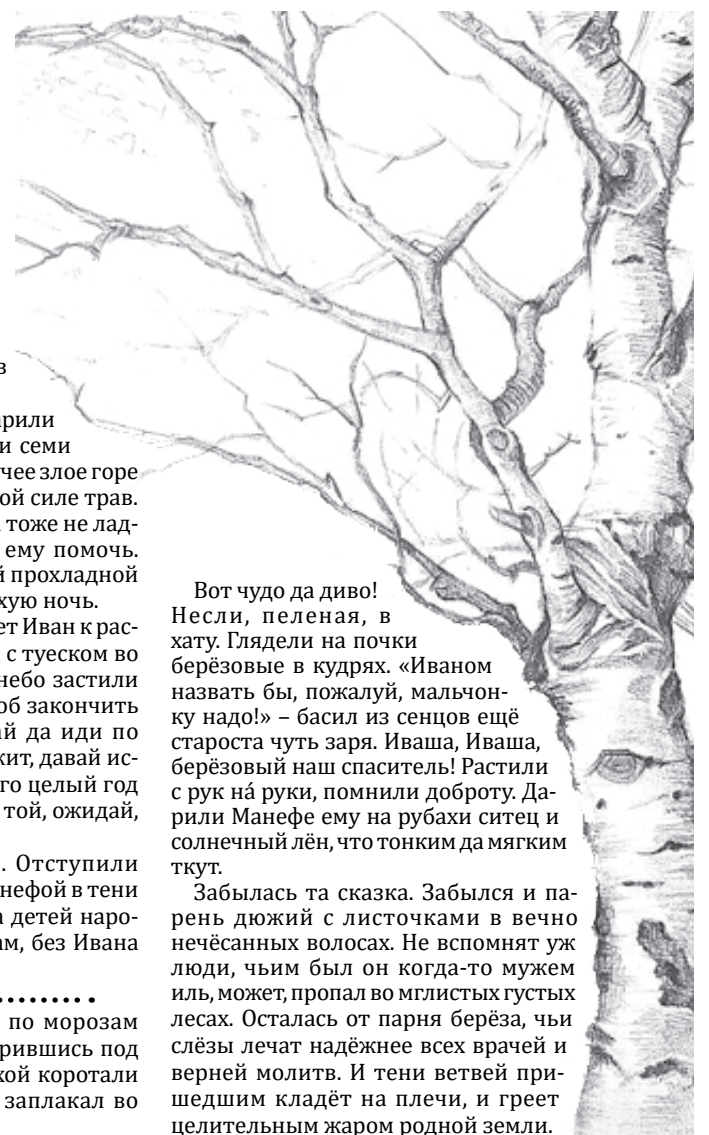
Семнадцать годков минуло. Весна стояла. Звенели ручьи, и русалки плели венки. По солнечным кочкам и тёмным тенистым ямам пролески цвели удивительно велики. Пришли лихорадки на землю великой хворью. Гробов на жалник снесли – не считал никто. Мальцов унесло на каждом втором подворье, а стариков – и вовсе на каждый дом.

Бились знахарки. Зелья варили море. На перекрёстках пели семи ветрам. Только вот это могучее злое горе не подчинялось проверенной силе трав.

В доме Манефы и Фёдора тоже не ладно. Фёдор болеет – нечем ему помочь. Держит горячую руку своей прохладной сын их Ивашка, глядя в глухую ночь. «Мати, послушай! – шепчет Иван к расвету. – К ночи ступай одна с туеском во двор. Встретишь берёзу – небо застили ветви. Сок заberi у неё, чтоб закончить мор. Полный туес набирай да иди по людям. Каждому, кто недужит, давай испить. Меня с вами после того целый год не будет. Стой под берёзою той, ожидай, терпи...»

Год миновал с его слов. Отступили хвори. Старятся Фёдор с Манефой в тени ветвей. У всех к концу года детей народилось море. А им, старикам, без Ивана остался век...

Рубили берёзу кормить по морозам печи. Везли да кололи, упарившись под конец. А ночью, когда за ухой коротали вечер, в поленище вдруг заплакал во тьме малец.

Вот чудо да диво! Несли, пеленая, в хату. Глядели на почки берёзовые в кудрях. «Иваном назвать бы, пожалуй, мальчонку надо!» – басил из сенцов ещё староста чуть заря. Иваша, Иваша, берёзовый наш спаситель! Растили с рук на руки, помнили доброту. Дарили Манефе ему на рубахи ситец и солнечный лён, что тонким да мягким ткнут.

Забывлась та сказка. Забылся и парень дюжий с листочками в вечно нечёсаных волосах. Не вспоминают уж люди, чьим был он когда-то мужем или, может, пропал во мгlistых густых лесах. Осталась от парня берёза, чьи слёзы лечат надёжнее всех врачей и верхней молитв. И тени ветвей пришедшим кладёт на плечи, и греет целительным жаром родной земли.